

7 СЕН 1969

Звуки флейты — чистые, призрачные, как дым рассветов. Сказка. Прилетит сейчас жар-птица, уда-

чится оземь и обернется прекрасной царевною, а Иванушка — добрым молодцем, и любовь между ними перекинется радугой, семицветная да недолгая, потому что за семью печатями тайна таинства — превращение птицы-жар в голубую девушку. И так далее, и так далее, пока жар-птица не отправится в чехол вместе с облачным платьем царевны, с красным кафтаном Иванушки, — до другого вечера, когда объявят гостям-зрителям: «Братья Масловы! «Жар-птица»!»

Так будет. Через месяц-полтора состоится премьера этой сказки-элегии. А пока жар-птица еще не раскрашена, идут первые репетиции в костюмах, «прогоны» мизансцен, шумные — вопреки святой святых жанра — пантомимы: в спорах рождаются жесты... Так всегда. С тех пор, как возникла идея: быть им, Владимиру Маслову и Александру Быченкову, — «Братьями Масловыми!» «Братья Масловы»... В этом есть отсвет цирковых огней, отзвук фанфар, предвестие солнечного номера. Это чуть озорно и бравурно и очень празднично. Братья — это ближайшая близость, большая, чем согласие мыслей или рабочее содружество, без которой театр, в сущности, невозможен.

Они родились в сорок первом в Ленинграде. Познакомились случайно — в Ленинградском театральном институте.

Им хотелось найти нечто такое, что было бы законченным и совершенным, как октава. Реальность драматического театра и условность кукольного, гармония света, музыки и колорита, глубина драматургического слова и мысль, наконец, которую несет в зал твой выход. Не много ли? Нет, если суметь соединить эти начала в гармоничную, естественную форму. И форма была найдена! «Бабочка и цветок» — так назывался их первый но-

мер. Природа, самая непосредственная, открытая самому непосредственному восприятию, — бабочка и цветок. Что чаще всего рисуют дети? Бабочку и цветок. Еще, правда, домик, маму и солнце, но если строго и точно решен номер, то зритель сам увидит и домик, и солнце...

ОБРАЩАЯСЬ к современности, Масловы видят и оборотную сторону «супервека», трагический разрыв между высокими достижениями человеческого ума и сосуществующим рядом с этими достижениями человеческим шлаком. В атаку на этот шлак можно идти по-раз-

БРАТЬЯ МАСЛОВЫ

ному. Масловы выбрали полемику вкусов. Умная, тонкая позиция: довести до абсурда то, что обывателем почитается за хороший вкус! Вам знаком, надеюсь, их блистательный номер «Маруся Бриллиантовая». Если нет — непременно посмотрите, а пока я постараюсь, насколько позволяет слово, передать все, чему удивлялся и радовался сам...

Они выходят на сцену в алых рубашках, рыжебородые, при галстуках «кис-кис». Деталь, но «бог в деталях», как говорят. В самом их выходе уже какое-то странное сочетание: цыганщина и аристократизм — декаданс!... Один держит платье — черное атласное платье с розами вокруг подола. Другой — вешалку и маску. Вот и все. Дальше начинается магия. Платье надевают на вешалку, поднимают маску, которую вы видите на снимке... и перед нами третий солист этого

трио: «Маруся Бриллиантовая, исполнительница цыганских романсов...» Это кукла, мы ясно видели, как возникло это «существо» из платья и вешалки, но это больше, чем кукла. Слишком уж язвлив на этой кукле «налет личности»! Выходит в обнимку с двумя мужчинами — да-да, не с артистами, а с мужчинами, — легкий такой, в одно касание, чувственный оттенок... Желтые бусы по черному платью, розы, конечно, сверх меры, очи черные, очи жгучие... Жеманство куклы, нахальство куклы — поцелуй с партнером, высекающий из зала ослепительную вспышку смеха.

Виртуозно работают Масловы с такой нехитрой куклой. Это было бы просто невозможно, не будь они превосходными мимами. Они не говорят ни слова в продолжение всего номера. Только язык жестов. Когда Александр кладет «руку» Бриллиантовой на плечо Владимира, про-

исходит как бы диалог жестов, ощущение того, что кукла сама по себе пропадает, перед нами трио: два актера и яркий характер... из маски, платья и вешалки, рождение и «смерть» которого проходят на наших глазах...

Это видит зритель, но капли пота на лбу актера ему невидимы и не должны быть видимы. Потому что он и без того сполна подмечает, какого труда стоит каждая твоя минута на сцене. Дни, недели, месяцы, годы шли они, братья Масловы, к этой минуте. Сначала в Большом театре кукол. Потом — эстрада, «пародии на кинофильмы». Потом — Ленинградский мюзик-холл и, наконец, Московский. И везде — сольный номер. И всегда — удивительная, я бы сказал, артистическая совместимость их номера с номерами разных программ разного времени.

Е. ВИННИКОВ.